

№

АНТРАКТЪ

13.

Антрактъ выводитъ ежемѣсячно. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкой на домъ, въ Москвѣ — 4 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ шестомѣсячныхъ принахаетъ только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки начинается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принахаетъ ежемѣсячно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера, въ кассѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (№ 12, Смольная), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а по вечерамъ спектаклей — въ вѣжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскіе концерты (въ пользу недостаточныхъ студентовъ, К. Вальца, Доора, дирекціи императорскихъ театровъ и Александровой). — Курьезы, вопросы и замѣтки (Письма темныхъ людей. Кас-сирамъ, стих. Одной пѣвицы, стих. Другой пѣвицы, стих. Письмо къ редактору темнаго челоуѣка). — Смысь (Предстоящіе бенефисы. Новая газета. Предстоящіи театральныя новости въ Петербургѣ. Г. Радоужейскій, Г-жа Бланки. Убійство отъ пожара Шато-де-Флеръ въ Кіевѣ. Театральная повѣсть послучаю пемірной выставки въ Парижѣ). — Некрологъ. (Фроловъ, Чивскій и Вишофъ).

МОСКОВСКІЕ КОНЦЕРТЫ.

(Концерты: въ пользу недостаточныхъ студентовъ, К. Вальца, Доора, дирекціи, съ участіемъ Оле-Бульи, и Александровой).

● вторымъ концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ съ участіемъ пѣвцовъ петербургской русской оперы, бывшемъ 22-го марта въ благородномъ собраніи, я скажу, только нѣскольکو словъ. потому что концертъ этотъ во многомъ походилъ на первый концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ съ участіемъ тѣхъ же пѣвцовъ, который былъ 20-го марта и о которомъ я говорилъ въ предыдущемъ № Антракта. Программа была опять очень интересна составлена; петербургскіе гости, равно какъ и участвовавшая вмѣстѣ съ ними г-жа Онопере, заслужили по прежнему прекрасный приемъ, на этотъ разъ сопровождавшійся богатыми подарками; опять многое было исполнено отлично и только кое-что не такъ хорошо. Съ этого-то не савѣемъ удачнаго я и пачпу. Тріо изъ оперы *Жизнь за Царя* «Не томп, родимый» было исполнено несовершеннорошо. Уже въ самомъ темпѣ были ошибки, а еще большая — въ пѣліи фигуры въ шестнадцатыхъ, фигуры, проходящей чрезъ всю піесу. Шесть воть, изъ которыхъ состоятъ эта фигура, всѣ одинаковаго значенія; поэтому онѣ и должны быть пѣты совершенно поровно, а не подвергаться произвольнымъ дѣлѣніямъ, какъ это было сдѣлано г-жею Вюдель и г. Пинкольскимъ; только одинъ г. Вальцевъ 1-й пропѣлъ эту фигуру правильно. Г. Кондратьевъ и въ пѣснѣ «Ворода мол бородунка», и въ «Пѣснѣ Лихачи Кудряпча» былъ несовершеннородово удовлетворителенъ. Всякій романсъ, всякая пѣснь есть небольшое описаніе какого-нибудь душевнаго состоянія, или небольшою разсказъ; но чѣмъ менѣе объемъ, чѣмъ короче содержаніе того, что передаетъ непознатель, тѣмъ выразительнѣе онъ долженъ его передать, нѣскольکو впрочемъ не выходя въ преувѣченіе. Г. Кондратьевъ же былъ слишкомъ сухъ. Тріо изъ *Вильгельма Теля* было исполнено слишкомъ скоро; медленнаго пѣніе, вы-

держанное темпо, разумѣется, для пѣвца очень трудно. Всѣ же остальные №№ воцеліи удалось пѣвцамъ Г-жа Вюдель пропѣла свои романсы воцеліи превосходно, особянно очень трудный «Ахъ, ты, время-времячко». Также превосходно исполнили и г. Никольскій пѣтые имъ романсы. Г. Васильевъ блисталъ въ различныхъ родахъ: какъ въ оригинальной русской аріи Глинка изъ *Русляни и Людмила*, такъ и въ дуэтѣ изъ *Пуританъ*, исполненномъ вмѣстѣ съ г. Кондратьевымъ; Г-жа Онопере пропѣла пѣсно изъ неизвѣстной еще, новой оперы Кашперова *Урози*. Пѣснь эта такъ хороша и оригинальна, что поцеліи родителю желаніе послушать поскорѣе всю оперу. Противъ программы афиши сдѣланы были многія нимѣпенія, что очень затрудняло слушатели, а къ этому еще ужасная жара въ черезъ-чуръ панодневной залѣ, громъ рукоилсекавіи, крикъ вызовавъ и повзоровѣи, а сверхъ всего этого — игра на фортепіано г-жеи Керль, какъ *одною лѣвою рукою* (на афишѣ было сказано *на main gauche seule*; будто кто могъ предположить у г-жи Керль двѣ лѣвыя руки?), такъ и обѣими руками. Чтобы г-жа Керль извѣдала на свѣтъ хоть бы одявѣ столѣтіемъ пораньше! Можетъ быть игра ея тогда бы и произвела эффектъ, а теперь кто не игрѣетъ каприччіо Мендельсона точно такъ же, какъ и г-жа Керль?

Уже по той тщательности, съ которою была составлена афиша, и изъ программы живыхъ картинъ можно было почти съ увѣренностію заключить, что г. Карлъ Вальцъ въ своемъ концертѣ съ живыми картинами, бывшемъ 26 марта въ Большомъ театрѣ, хочеть дать намъ что нибудь получше того, чѣмъ вообще угощались въ концертахъ съ живыми картинами, бывшихъ выпѣвкамъ великимъ постомъ. Такъ и случилось. Картины болынею частію были хорошио выбраны и со вкусомъ поставлены въ отношеніи и декораций, и костюмовъ, и аксессуаровъ, и освѣщеніи. Лучшими картинами были: послѣдняя картина изъ баллады Жуковского *Свѣтлинъ* «Свѣдѣбный ширъ» (только среднія картины олимпкомъ скучены) и картины: «На могилѣ пемібенной», «Испанскіе танцы», «Старый слуга везеть въ лодкѣ мертвую Элаву» (изъ

поэмы Тенисова) и «Галатея на водах океана». Впрочемъ были картины и неудачныя, какъ напр. картина «Рыбакъ и рыбацкѣ» (на которой деревянный покатый берегъ съ боковъ не былъ ничѣмъ замаскированъ и даже видѣлись подмостки) и картина «Буря», которую скорѣе должно было бы назвать *послѣ бури*, потому что небольшія, искусственно изображенныя волны, в также и одѣянія лицъ, стоявшихъ на прибрежной морской скалѣ, вовсе не показывали, что сюжетъ картины происходитъ во время бури; особенно была не на мѣстѣ во время бури одна изъ жспскихъ фигуръ, разряженная, съ открытыми руками и открытою шеєю. Декорация этой картины была тоже довольно неудачна. Сопровождавшая эту картину музыка также не соответствовала ея сюжету; она была взята изъ *Севильскаго цирюльщика* и въ ней Россіяи вовсе не хотѣли изобразить морскую бурю, а прекрасно изобразили простую, обыкновенную грозу на землѣ. Все таки эта музыка шла гораздо болѣе къ картинкѣ, чѣмъ обыкновенно разыгрываемые, во время живыхъ картинъ, какого бы сюжета онѣ ни были, штраусовскіе вальсы. Въ концертѣ г. К. Вальца каждая картина сопровождалась болѣе или менѣе соответствующею ей музыкою и это уже говорить о вниманіи, съ которымъ молодой бенефициантъ отнесся къ ихъ постановкѣ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ оло изъ русскихъ музыкальныхъ обществъ объявило конкурсъ музыкальныхъ сочиненій на премію. Темою для этихъ сочиненій было назначено положеніе на музыку известной баллады Жуковскаго *Святлана*. Сочиненій на этотъ конкурсъ было представлено довольно значительное число. Премію получило сочиненіе Арнольда, исполненное въ началѣ сороковыхъ годовъ на сценѣ московскаго театра, въ одномъ изъ концертовъ съ живыми картинами. Соло исполнялъ Бвѣтшевъ, а изъ картинъ, сопровождавшихъ исполненіе баллады, особенно хорошо была поставлена поѣздка Святланы въ саяжъ (лучше, чѣмъ въ концертѣ Вальца). Искусно каресованные воронки кони неслись по сугробу; надъ ними парялъ, распростивъ широкія крылья, воронъ. Жениха-мертвеца изображалъ О. Сахаровъ съ его красивою, выразительною наружностію. Не для этого ли же конкурса было сдѣлано и переложеніе на музыку *Святланы* Жуковскаго г. Воротняковымъ, исполненное въ концертѣ г. Вальца? Во всякомъ случаѣ, музыка г. Воротнякова къ балладѣ *Святлана* заслуживаетъ того, чтобы ее прослушать со вниманіемъ, но, къ сожалѣнію, публика слушала ее невнимательно; даже нѣкоторые изъ публики заглушали музыку аплодисментами живымъ картинамъ. У г. Воротнякова есть талантъ, есть воображеніе; видно, что онъ изучалъ музыку и положилъ много труда на свое сочиненіе; онъ старался веденіе голосовъ въ хорахъ сдѣлать интереснымъ и придать краски своей инструменталкѣ, онъ хорошо расположилъ поэму въ музыкальномъ отпошеніи и старался передать слова правильнымъ музыкальнымъ выраженіемъ. Обо всемъ этомъ я долженъ отнестись съ похвалою, какъ о достоинствахъ немаловажныхъ. Но

композитору недостаетъ силы, чтобы вполне выразить то, что онъ чувствуетъ, и придать всему этому соответствующую форму. Недостаетъ также композитору таланта на выдающіяся мелодіи; въ его мелодіяхъ подчасъ слышится что-то устарѣлое, избитое, какъ напр. въ мелодіи въ самомъ первомъ номерѣ баллады при словахъ «Разъ въ крещенскій вечерокъ», или онъ отзывается чѣмъ-то слишкомъ рутиннымъ, какъ напр. мелодія въ соло soprano при словахъ: «Какъ могу, подружки, пѣть?» Во многихъ случаяхъ болѣе интересный аккомпаниментъ помогъ бы бѣдности мелодіи. Переходы изъ однихъ тоновъ въ другіе часто форсированы и не мотивированы, какъ напр. крутой переходъ изъ Es dur въ A dur въ концѣ того же соло soprano, о которомъ сейчасъ было говорено. Въ слѣдующемъ за тѣмъ № при словахъ «Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ» композиторъ искусственно переходитъ изъ D dur въ Es dur. Впрочемъ мѣсто не позволяетъ мнѣ болѣе распространяться о достоинствахъ и недостаткахъ партитуры г. Воротнякова. Во великомъ случаѣ талантъ композитора заслуживаетъ вниманія и было бы желательно, чтобы онъ не переставалъ серьезными занятіями и прилежнымъ трудомъ идти впередъ на избранномъ пути. Исполненіе, особенно со стороны хора и оркестра, оставляло желать многого.

Въ вокальной части концерта г. К. Вальца принимая участіе г-жи Алексаandrova, Анненская Иванова и гг. Владиславлеаъ, Демидовъ и Финюкки. Хотя мнѣ не очень-то нравятся иѣяіе г. Финюкки, а его «*Vieni la mia vendetta*» порядочно такъ мнѣ надоѣло (въ концертѣ К. Вальца при аккомпаниментѣ этой аріи оркестръ выказалъ въ одномъ мѣотѣ большое невниманіе), я все таки долженъ похвалить ту готовность, съ которою этотъ пѣвецъ участвуетъ во всѣхъ концертахъ, особенно если его въ этомъ отношеніи сравнить съ болѣе молодыми пѣвцами, какъ напр. съ г. Раппортомъ, который, въ продолженіи всего вышшняго великаго поста, не участвовалъ еще ни въ одномъ концертѣ, и въ аящѣ о концертѣ г. Вальца онъ значился большимъ. Увертюры въ этотъ разъ были въ аящѣ всѣ названы и такъмъ образомъ избавляли слушателя отъ труда угадывать. Уаертюра къ оперѣ *Сорока Воронка* была исполнена самымъ неудачнымъ образомъ; то контробасы шли впередъ на цѣлый тактъ, то на тактъ же обгоняли перьяя скрипки; такія ошибки не должны быть терпимы. Для одной пѣзъ увертюры, я полагаю, было бы гораздо лучше, если бы она не была ни назначена, ни исполнена. Это такъ называемая *концертная увертюра*, соч. В. Шиловскаго. Если кто илбудь начинающій учиться композиціи съ помощію своего учителя сострапаетъ какое илбудь сочиненіе для оркестра и пожелаетъ услышать его исполненіе, то пусть лучше пригласить къ себѣ музыкантовъ на домъ, а не угощаетъ публику своими дѣтскими опытами. Разбярать эту, такъ называемую концертную увертюру я не буду; это было бы для нея слишкомъ много чести. Сочиненіе это даже невозможно назвать увертюрою, это Богъ знаетъ что такое, только не увертюра: въ немъ совершенно недостаетъ ни правильной формы, ни

мелодическихъ, въ ритмическихъ достоинствъ: послѣ пустаго, ничего невыражающаго введенія являю- тся два старыхъ, ничтожныхъ балетныхъ мотива. И это г. Шилловскій называетъ концертною увер- тюрю? Да эта увертюра по своей курьезности стоить того, чтобы ее послать на парижскую выставку. А все таки г. Шилловскій нѣкоторою частию публики былъ два раза вызванъ (что это въ шутку, или серьезно?), появлялся въ дирек- торской ложѣ, кланялся и прикладывалъ руку къ сердцу. Жалкая комедія! Подобныя вещи, пожалуй, и не на всякомъ домашнемъ театрѣ могутъ быть терпимы, а въ дѣлѣ нашей Большой театрѣ—не домашній театрѣ.

Въ концертѣ г. Доора, извѣстнаго учителя на фор- тепьяно, виртуоза любимаго, профессора здѣшней консерваторіи, бывшемъ 27 марта, едва ли малая зала благороднаго собранія была полна и на поло- вину. Самые лучшіе концерты, даже любимѣйшихъ артистовъ, большею частию пусты. Концертныя складываютъ вину въ этомъ на итальянца, потому что итальянцы въ самомъ началѣ великаго поста опустошили депежныя средства публики. Можетъ быть!

Въ этотъ вечеръ, слушая сонату Вебера (въ la— be-moll), я убѣдился, что въ игрѣ г. Доора главную роль играетъ техника. Композиторъ обозначилъ мало оттѣнковъ выраженія, въ печатномъ изданіи этого произведенія мы ихъ почти не находимъ. Въ произведеніи этомъ композиторъ весьма много пред- ставлялъ хорошему вкусу и пониманію исполнителя, а г. Дооръ этой задачи и не выполнилъ. Онъ дѣлалъ очень мало оттѣнковъ и проигралъ всю піэсу въ одномъ темпѣ, такъ что соната получила отъ этого видъ какой-то этюды. Недостатокъ вкуса особен- но выразился въ исполненіи прекраснаго ан- данте, въ которомъ, уже въ самомъ началѣ, мелодія была сыграна слишкомъ грубо; въ фортепессимѣ лѣвая рука съ своими тріолями заглушала мелодію правой руки; заключеніе было выдержано недостаточно мягко в т. д. Лучше всего въ сонатѣ было испол- нено скерцо. Также и исполненію Notturmo Фильда не доставало прелести и поэзіи, столь свойственныхъ произведеніямъ этого композитора. За то г. Дооръ блестятельно исполнилъ «Spinnerlied» Листа и всѣ другія салонныя піэсы концерта.

Участновавшій въ этомъ концертѣ скрипачъ г. Шра- декъ съ прошедшаго года сдѣлалъ большіе успѣхи. «Фантазію-капризъ» Вьетана онъ сыгралъ не только съ хорошимъ, полнымъ тономъ, но и съ выраже- ніемъ, и съ замѣтно болѣе легкимъ преодоленіемъ такихъ большихъ трудностей, какъ октавные пассажи. Въ концертѣ участвовали также двѣ мо- лодыя пѣвицы, ученицы г. Осберга. Первая изъ нихъ, г-жа Зыбина, напрасно выбрала для своего перваго дебюта арію изъ оперы *Жизнь и Царя* «Вѣдшии копъ въ полѣ палъ» (можетъ быть въ вы- борѣ этой аріи виновата не она, а ея учитель). Для исполненія такой трудной задачи, какъ эта арія, г-жѣ Зыбиной не достаетъ ни голоса, ни умѣнья. Я удержусь сказать что падуде о голосѣ г-жи Лю- бвиной, потому что не знаю, отъ чего происхо-

дитъ его постоянное дрожаніе: отъ природной-ли его слабости, или отъ волненія, причувствнаго пер- вымъ появленіемъ предъ публикою. Г-жа Каменская прочла на французскомъ языкѣ арію изъ «*Виль- гельма Тель*» Зачѣмъ пѣла г-жа Каменская?—*Не знаю.*

28 марта дирекція императорскихъ театровъ повторила большую часть концерта г. К. Вальца и, кромѣ того, пригласила участвовать въ этомъ кон- цертѣ г. Оле-Буля (какъ слышно, сборъ съ этого концерта былъ раздѣленъ по поламъ между дирек- ціею и г. Оле-Булемъ). Никогда я не слышалъ, чтобы этотъ знаменитый скрипачъ игралъ свои адажіо съ такимъ чувствомъ, такъ трогательно, какъ въ этотъ вечеръ, въ классическомъ концертѣ для скрипки Модарта и въ интродукціи къ Поласо своего собственнаго сочиненія. Никогда его тонъ не бралъ меня такъ за сердце. А между тѣмъ, какъ легко каждый скрипачъ можетъ пріобрѣсти себѣ такой тонъ! Одинъ изъ нашихъ музыкальныхъ кри- тиковъ открылъ тайну этого тона; онъ публично и серьезно увѣрилъ въ театрѣ, что тонъ скрипки Оле-Буля, этотъ удивительный, задушевный, сере- бринный тонъ происходитъ только отъ того, что у г. Оле-Буля на скрипкѣ болѣе тонкія струны, чѣмъ у другихъ скрипачей? И такъ, чѣмъ тоньше струны, тѣмъ лучше тонъ? Стало быть въ этомъ вся штука? Ну такъ, гг. скрипачи, рвите скорѣй ваши струны и натягивайте поскорѣе какъ можно болѣе тонкія струны. А я натяну на мою скрипку самыя тонкія шелковинки и тонъ моей скрипки будетъ самый лучшій.

Но будемъ говорить серьезно: чего люди не по- нимаютъ, то они часто объясняютъ фальшью, а дѣло между тѣмъ очень просто: г. Оле-Буль устройство скрипки изучилъ лучше, чѣмъ самый лучшій скри- пичный мастеръ по профессіи, к своимъ познаніямъ онъ, прилагаетъ къ зрѣнью прѣвосходныхъ старыхъ итальянскихъ скрипокъ и такимъ образомъ получа- етъ свои скрипки съ этимъ чуднымъ тономъ. И пазъ этихъ познаній онъ не дѣлаетъ никакой тайны, а сообщаетъ ихъ всякому, кто только захочетъ слу- шать. Что же касается до ровности клавиатуры, подставка, болѣе тонкихъ струвъ, чрезвычайно крѣп- каго смычка и т. п., то это незначительныя, вѣщи- ая подробности, которыя однакожъ находятся въ тѣсномъ соединеніи съ оле-булевой системой ус- тройства скрипокъ. Съ его игрою.

Въ концертѣ г-жи Александровой, бывшемъ 27 марта въ большой залѣ благороднаго собранія и привлечемъ также немногочисленную публику. Пѣвица имѣла возможность во всѣмъ блескѣ пока- зать достоинства своего голоса и своей отличной методы, о которыхъ я уже неоднократно говорилъ съ большою похвалою. Но я желалъ бы, что бы кое-что было исполнено не такъ, какъ было испол- нено въ этомъ концертѣ, напр. фразировка первой части, анданте, бетговепской *Аделаиды*: въ клас- сической музыкѣ не должно дозволить себѣ ни ма- лѣйшаго произвола; аккомпаниментъ былъ тоже нѣ- сколько произвольно исполненъ. Впрочемъ большая часть нумеровъ концерта удалась пѣвицѣ очень хо- рошо, а вмѣсто исполненія двухъ дуэтовъ съ г-жею

Ивановом — одного французскаго и другаго русскаго. Дуэты эти, какъ я вообще почти всѣ піесы концерта, заслужили у публики прекрасный приемъ. Г. Раппорта, тоже участвовашаго въ этомъ концертѣ (въ первый разъ въ нынѣшнемъ великомъ поуту), я уже давно не слыхалъ; онъ не сдѣлалъ въ это время никакихъ успѣховъ; для того, чтобы изъ него могъ выйти хорошей піеца — а это вещь возможная — онъ долженъ поручить себя хорошему, строгому учителю, который бы научилъ его, какъ владѣть голосомъ, какъ фразировать и какъ пѣть со вкусомъ. Въ тріо изъ оперы *Жизнь за Царя* г. Раппортъ разрушалъ то, чего достигала г-жа Александрова своимъ, въ этомъ номерѣ вполне безупречнымъ пѣніемъ. Г. Демидовъ, по крайней мѣрѣ, не вредилъ ей пѣвію. Мнѣ очень страшно, отъ чего это тріо Глянки исполняется съ такою усиленною поспѣшностію, такъ что можно бояться, что, пожалуй, подъ конецъ его превратятъ въ какой-то палсъ. Исполненіе тріо Мендельсона (гг. Рубинштейнъ, Милкусъ и Езеръ) показалось мнѣ какъ-то безцвѣтно: скрипка и виолончель выступали недопльно самостоятельно; онѣ какъ-то оловкомъ подчинялись фортепіано. Въ игрѣ на скрипкѣ г. Милкуса какое-то безпрестанное соскальзываніе изъ одного тона въ другой: это такъ немужественно, такъ плачевно!

М. Эрлангеръ.

КУРЬЕЗЫ, ЗАМѢТКИ И ВОПРОСЫ.

ПИСЬМА ТЕМНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Мы живы! Радуетесь-ли и вѣрите-ли этому? А вѣдь ужъ давно-таки ни единымъ словомъ не давали мы знать о себѣ, вли (чтобы сказать по-русски, по нынѣшнему, по модному) не *заявляли* о своемъ существованіи ни вамъ, ни читателямъ «Антракта». То-то, мы думаемъ (пожалуйста, не разубѣждайте насъ въ этомъ!), оскучились-то какъ всѣ объ насъ! А вотъ вамъ и три причины нашего молчанія: во первыхъ, мы молчали, потому что съ наступленіемъ новаго года со всѣхъ сторонъ и съ (особенно хожавые и почтари) насылили насъ такъ много *новой счастья*, что мы не на шутку было прониклись надеждой просвѣтиться понятливостію и отрѣшиться отъ темноты вашей; во вторыхъ, мы молчали, потому что щадилъ васъ и не хотѣлъ вамъ, и безъ того болѣющимъ, подкосить наши снадобы далеко невращающаго свойства; въ третьихъ, мы молчали, потому что не такъ давно еще, въ статьѣ вашей «По поводу втекшаго сезона», вы однимъ недостойнымъ взмахомъ пора вздумали порѣшить то, изъ чего, какъ изъ непознаемаго восточника, не верстаютъ возникать всѣ терзающіе насъ вопросы и сомнѣнія, — скажемъ рѣзко (это выраженіе мы беремъ у профессора Юркевича), скажемъ рѣзко: мы негодумемъ на васъ за дерзкій, полный пренебреженія отзывъ вашъ объ иныхъ наилучшихъ, наилучшачайшихъ, а потому и вантруднѣйшихъ для пониманія московскихъ театральныхъ рецензентахъ. Тснеръ, яв

одной изъ этихъ причинъ для насъ не существуетъ болѣе: отъ надежды разсвѣтъ мрака нашего невѣдѣнія и непонятливости мы не отрѣзались, ибо недоумѣнія, по прежнему, цѣлымъ массамъ роятся въ насъ о мы, по прежнему, не теряемъ ни въ области права именовать *людьми темными* по преимуществу; щадить васъ больше не можемъ, потому что выдровленія вашего, пожалуй, и не дожدهмся, — а чего добраго еще, пожалуй, болѣзнь и уступить передъ сильными ощущеніями, которыя, какъ мы надѣемся, переиспытаете вы, при чтеніи нашего писанья; наконецъ, что до попираемыхъ вами театральныхъ рецензентовъ, то мы хотимъ раскрыть вамъ глаза на нихъ, показать вамъ, что вы ихъ не понимаете и читать ихъ не умѣете; да, рѣшительно-такъ не умѣете! Вамъ надобно будетъ позаниматься огиасъ и ляманіемъ, и умѣемъ, и терпѣемъ читать статьи госюдь Пановскихъ, Яковлевыхъ, Азоналей, Платоновыхъ и другихъ, съ разныхъ русскихъ и не русскихъ буквъ папшающихся и янчѣмъ доканчивающихся (чуть было не сказала: *безконечныхъ*) госюдь. Мы ли еще не беремъ горячо къ сердцу каждое вхъ изреченію, каждое вхъ слово? Мы ли еще не умѣемъ снаковать въ самую сласть всѣ ихъ прелести? Вы ужъ нестали разборчивы, а мы — всеядны; мудро-ли послѣ этого, что вы обмыпаете пустотою и бессмыслиемъ — бездонное глубокомысліе?

— Еще не успѣла высохнуть чернила подписей (каемся: *заявствовали*) это безподобное, блестящее выраженіе изъ передошой статьи 49 № «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ напечатано: *еще не успѣли высохнуть чернила подписей на Паризскомъ трактатѣ* и проч. Что это за прелесть! да-съ, такъ еще не успѣли высохнуть чернила подписей на «Заявленіи» профессоровъ московской Консерваторіи (*Музыкальнине Училнице* — тожъ), какъ уже цѣлымъ гурломъ донимаю насъ вопросы, которые теперь предлагаемъ вамъ. Къ чему было профессору Давидову нѣсколькими безпокойными строками (Одвр. Лѣтоп. 1866 г. 18 декабря) возмущать безмалѣйшій міръ и *тиснату* нашего Музыкальнаго Училща (*Консерваторіи* — тожъ)? Къ чему было ему назойливымъ глазомъ современнаго человѣка сквозить замочную скважину прозираетъ въ эту счастливую Аркадію и оповѣдать чуть не на всю аселенную, какія таинства совершаются разными Тирсиоами и Дафнисами этой попой Аркадіи? Не трогай-бы вхъ насъ своихъ оачекъ! За чѣмъ только отвлекалъ онъ ихъ отъ ихъ мирныхъ промпрепровожденій и заставилъ ихъ пуститься въ литературное злорѣчіе? Вывелъ ихъ на просторъ, да и къ сторонамъ, и смотрятъ измади, какъ они другъ въ друга изъ пращей своихъ камушками ообрасываютъ, и то такъ и въ себя самихъ саюми же камушками, объ неприячкн, попадаютъ; слушаетъ-себѣ, какъ она начнутъ говорить, да и заговорятся, либо не договорятъ, слушаетъ — и ни однимъ лишнимъ вопросомъ не хочетъ вызвать ихъ на другой, новый отзывъ, въ которомъ они могли бы поправлять ся договорить ся. Профессору Давидову говорятъ, напр., что *самоуваженіе и самолюбіе артиста не допу- стятъ его* (т. е. артиста) *до пренебреженія своимъ обя-*

анности (Совр. Лѣт. № 17); а профессоръ Давидовъ и не спроситъ говорящихъ: а если такъ, то зачѣмъ — моль и контракты вамъ включатьъ съ артистами? Ему говорятъ: дирекція не должна была допустить возможность собирательныхъ музыкальныхъ классовъ *надзоръ совета профессоровъ* (тамъ же); а онъ и не спроситъ: а могла ли и можетъ ли дирекція допустить *собирательныхъ классовъ* внѣ надзора профессоровъ? И развѣ такіе классы не существуютъ въ Москвѣ и о юю пору въ довольно большомъ числѣ? И развѣ нѣтъ причинъ желать побольше собирательныхъ классовъ у такихъ учителей, какъ напр. хоты г-нъ Кларковъ и др., хотя бы на радѣ съ этими собирательными классами существовало десять консерваторій? А развѣ потеряли учителя г. Велявскаго отъ того, что они занимаются у этого профессора не въ стѣнахъ Консерваторіи, а въ стѣнахъ его квартиры? Директора говорятъ (тамъ же), что дирекція не могла допустить собирательныхъ классовъ изъ опасенія преподаванія, несогласнаго съ правилами музыкальнаго искусства, принятыми въ консерваторіи; а г. Давидовъ и не спроситъ: что же это такое за *принятія въ консерваторіи правила музыкальнаго искусства*, необходимость которыхъ выведется не сама собою, а за соблюдениемъ которыхъ надобно наблюдать да наблюдать, употребляя чуть не привудительную систему? Такъ ли полно выразились в то-ли сказали, что хотѣли сказать, директора Консерваторіи? Потому далѣе директора атачаютъ г. Давидову (тамъ же), что онъ не хотѣлъ расточать музыкальныхъ сокровища и потому обязали всѣхъ профессоровъ контрактами не участвовать въ концертахъ; а г. Давидовъ и не осприваетъ директоровъ: да развѣ въ пѣвчій Москвѣ такъ-таки ужъ не найдется, помню Консерваторіи, и музыкальныхъ сокровищъ? Да и развѣ вашъ профессоръ-непрямливо *музыкальныхъ сокровищъ*? И всѣ ли эти *музыкальныхъ сокровища* — могутъ по праву называться *искусствомъ*? Развѣ многими изъ вашихъ профессоровъ — сокровищъ не позавидовались вы въ императорскаго театра? Отчего же театръ дѣлается отъ консерваторіи своимъ музыкальными сокровищами, отъ г. Минкуса до профессора-автанта и н. Стрѣла включительно? Отчего же театръ не бьется расточить свои сокровища и отчего, съ другой стороны, вы допускаете расточать ваши сокровища въ театрѣ, гдѣ ихъ переслушаютъ въ теченіе сезона цѣлая масса москвичей, вслѣдствіе чего она такимъ образомъ теряютъ ту *наибольшую привлекательность*, которая — какъ вы проговориваете — нужна вамъ для *успѣха сборовъ съ музыкальныхъ собраній общества*? Наконецъ, директоръ говоритъ, что нельзя было допустить сопоставленія музыкальныхъ сокровищъ съ произведеніями *противу музыкальными*, а г. Давидовъ не предлагаетъ имъ вопросовъ: да почему же однако нельзя? Что худого вышло бы изъ того, что публика дѣла бы лишній случай въ дурномъ, подожимъ, концертѣ слышать хорошо исполненное потивно-музыкальное произведение? И развѣ оноотраденіе хорошаго съ дурнымъ не увеличиваетъ всегда значенія хорошаго и не ровняетъ еще ниже дурного въ

глазахъ массы? Развѣ отъ такого сопоставленія не былъ бы только въ выигрышѣ всякій олушатель и развѣ это не вліяло бы на развитіе въ обществѣ музыкальнаго пониманія и вкуса? Да и пакондѣ могутъ ли поручиться директора, чтобы порою кое-что противу-музыкальное не выходило бы даже изъ самой Консерваторіи (*Музыкальнаго Училища — тожѣ*)? Развѣ, къ слову сказать, упражненіе въ пѣвчій пѣвца безъ голоса не должно по праву называться упражненіемъ совершенно *противу-музыкальнымъ*? А развѣ г. Стрѣла, упражнявшійся до послѣдняго времени въ такомъ пѣвчій на нашей сценѣ, — не профессоръ Консерваторіи? Отчего же дирекція неопредѣлительна и отчего она скучится не своимъ *музыкальными сокровищами*? Или, быть можетъ, основныя правила контрактовъ измѣняются въ отношеніи къ различнымъ профессорамъ? — Отчего г. Давидовъ не предложитъ всѣхъ этихъ вопросовъ, чтобы вывести дирекцію Общества изъ того беззащитнаго положенія, въ какое она поставила себя своимъ отвѣтомъ на статью г. Давидова? — Съ удовольствіемъ ли наблюдаетъ г. Давидовъ ва тѣмъ, какъ г. Велявскій, отдѣляющійся отъ консерваторіи, желая «Письмомъ» своимъ къ издателямъ Современной Лѣтописи (№ 6) выпутаться изъ сѣти разныхъ толковъ, нечаянно запутывается въ собственній откровенности? Интересно-ли г. Давидову выслушивать, какъ ех-профессоръ консерваторіи вавно признается, что онъ съ другимъ какимъ-то профессоромъ *просили позволенія у дирекціи опираться яко бы* (какъ, хорошо это: яко бы!) *на запрещеніе консерваторіи, въ случаѣ, если они не захотятъ принять участіе въ какомъ-нибудь концертѣ и что г. Рубинштейнъ употребилъ его, что этотъ контрактъ не что иное, какъ простыя формальность, не имющія никакого значенія* (г. Рубинштейнъ не возражалъ в, стало быть, такимъ образомъ призналъ это)? Не умилеть ли, въ самомъ дѣлѣ, такое, по стивѣ аркадское отношеніе директора и профессора къ дѣлу контрактныя? Ну, стоило ли, подумайте, въ какой-нибудь *простой формальности, яко-бы контракта* — шумъ такой поднимать? А развѣ болшею убѣдительною можетъ похвастаться краткое, но едва ли сильное «Заявленіе», напечатанное въ 8 № Современной Лѣтописи и подписанное одиннадцатыи, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ фамиліями профессоровъ Консерваторіи, которые, жалъ *чернила*, потраченные для того, чтобы *очеркнуть* (эта затѣлвая игра словъ принадлежитъ гг. профессорамъ) Консерваторію и *желая положить конецъ журнальному работорству, поставляютъ себя въ нравственную обязанность заявить гласно* (какъ будто можно заявить не *гласно*?), что они *чувствуютъ въ себѣ довольно силы, чтобы самими защищать ихъ интересы*? Отчего-бы г. Давидову не предложить *заявляющимъ гласно* профессорамъ слѣдующаго вопроса: останеть-ли силачъ, сила котораго просится наружу и слышывается въ движеніи каждаго мускула, слышеть-ли такой истинный силачъ кричать, или деликатнѣе — *заявлять гласно* о своей силѣ, и не безопытны-ли дѣти любить обыкновенно округлять въ бумажныхъ вытерахъ и съ деревянными

саблямъ? Отчего-бы не задать этимъ профессорамъ и другого еще вопроса: «Есть ли свобода личности, по словамъ заявляющихъ профессоровъ, не должна быть стѣснена, то какъ же могутъ они допускать стѣсненію собственной свободы контрактами, которыми они подписываютъ, и какъ они могутъ въ такомъ случаѣ довольствоваться такими, въ концѣ стѣсняющими личную свободу контрактами?» За чѣмъ было г. Давидову—спрашиваемъ еще разъ—вызывать на *журнальное ратованіе* такихъ, слышномъ мало искушенныхъ, въ немъ борцовъ? Развѣ не правда, что въ этой расирѣ, камня, бросаемыя изъ неопытныхъ рукъ, большею частью падали всею тяжестью на головы бросающихъ? А чего стоить послѣдній камень этой борьбы—«Письмо въ редакцію» Москвы (№ 34) въ защиту Консерваторіи, письмо, автору котораго неизвѣстною оказалась даже та простая истина, что говорящій отъ лица *многихъ*—всегда смѣлъ, говоритъ безъ робости и не нуждается ни въ какихъ припрятіяхъ, въ что постою всякій, умѣющій понимать читаемое, за безименною подписью: *одинъ изъ многихъ* всегда виднѣтъ *одного изъ очень и очень немногихъ*?

— Какъ вы думаете, не отъ того-ли подписка ничего почти не доставила московской консерваторіи (о чемъ заявляетъ, вѣроятно, тоже гласно вышепавшаго «Одинъ изъ многихъ», Москва № 34), что на главахъ у публики былъ примѣръ петербургской Консерваторіи, которая, при ея чисто-вѣмскомъ характерѣ, въ теченіе пятилѣтняго, кажется, существованія, не успѣла достигнуть даже и столь зрѣлаго положенія, чтобы могла продолжать свою дѣятельность, *почерпая для того силы въ самой себѣ*, какъ объ этомъ заявляютъ гласно профессора петербургской консерваторіи, считавшіе святою для себя обязанностью покорнѣе (почему не *всепокорнѣе*, или не *нижайше*?) просить г. А. Рубинштейна, когда ему угодно было выразить намѣреніе свое оставить консерваторію,—не оставлять ея (письмо профессоровъ, Спб. Вѣд. № 66)? Не врячая-ли это во языкѣхъ?

— Читали ли вы впечатливное во всѣхъ почти газетяхъ астрономическое извѣстіе о томъ, что на поверхности луны исчезъ кратеръ, ношенный на картѣ Медера названіемъ *Линнея*? Какъ вы полагаете, не находится ли исчезновеніе съ луны этого кратера въ тѣсной связи съ исчезновеніемъ всякаго смысла изъ новыхъ современныхъ драматическихъ произведеній, или съ отчисленіемъ изъ пѣвцовъ Сѣтова, или же наконецъ съ исчезновеніемъ съ лица русской журналистики «Московской Газеты»?

— А скорбите ли вы объ этой газетѣ? Когда и какою другимъ повременное изданіе въ такой краткій періодъ существованія успѣло поведѣлать такое количество болѣе или менѣе важныхъ открытій, важная съ открытія особеннаго правоиспанія, главнѣйшая особенность котораго заключалась въ рѣшительномъ несоблюденіи общепринятыхъ правилъ русской орфографіи, до открытія въ стихотвореніяхъ вашего сотрудника *Не поэта*: въ «Елкѣ» (Автр. 1866, № 1) — *подражаніе*... ну кому бы вы думали? Ни больше, ни меньше, какъ *Шекспира*; а

въ «Миражахъ» (Автр. 1867, № 1) — *подражаніе Кальдерону* (см. Моск. Газ. № 4, янв. 12)?

— Давно-ли оплакивали мы исчезновеніе со столба дова «Московской Газеты» провѣщаній г. Платонова, этого развязнаго и бойкаго критика, зоркаго ловца любопытныхъ новостей общественной жизни, ихъ глашатая в толкователя; а теперь вамъ, пряходятся сокрушаться о цѣлой когортѣ провѣщателей, сотрудоваковъ усопшей газеты. Г. Платонова почти замѣнилъ вамъ г. Матиссенъ, провѣщатель «Московской Газеты» по музыкальной части, но кто замѣнитъ теперь самого г. Матиссена? Какъ любилъ мы бывало ломать вши темныя головы надъ вымыслами провѣщаній его! И какихъ-какихъ только вставъ не изрекалъ онъ! Да и вамъ ли однимъ, обскурантамъ, всташъ эта приходилась не по плечу? Смейте-ка вотъ хоть вы, напр., какой-такой смѣсль заключаетъ въ слѣдующихъ, немногихъ строкахъ г. Матиссена, которыя мы выписываемъ безъ пропуска и со всею точностью в аккурратностью: *программа 6-го концерта Руо. Муз. Общества была нами уже сообщена читателямъ. Остается только сказать объ основаніи. Оркестровка номера (увертюра «Коріоланъ» Бетховена и симфоническая поэма Листа) прошли превосходно* (Моск. Газ. 17 янв. 1867)! А что за восхищеніе, когда бывало г. Матиссенъ вдругъ загааритъ о «Рогиндѣ», что это своеобразное произведеніе всего хорошаго въ новомъ направленіи музыкальнаго искусства (тамъ же)! И начнемъ мы бывало додумываться: въ чемъ же заключается это все хорошее и какос-такое новое иправленіе музыкальнаго искусства? А г. Матиссенъ возьметъ, да тутъ же и забастуетъ: *наши рамки* — скажетъ — не позволяютъ слишкомъ много распространяться здѣсь объ этомъ произведеніи (тамъ же)! Такъ-таки и не распространится ницѣ: ни здѣсь, ни тамъ. А «Русалку», Даргомыжскаго г. Матиссенъ явче и не называлъ, какъ *безсмертной, единственной и прелестной Русалкой* (орфографія Моск. Газеты № 6)! Не родилась ли такимъ образомъ «Русалка» въ представленіи г. Матиссена своимъ зрителямъ съ Горичевыми грибофедовской комедіи, котораго женатакже называетъ Платономъ Михайловичемъ *единственнымъ, безцѣпнымъ*? И вотъ не стало теперь тѣхъ нашихъ рамокъ, въ которыя вставлялся г. Матиссенъ! Поймете-ли вы тоску нашу?

— А достанетъ-ли слезъ у васъ оплакать новаго театрального рецензента усопшей газеты, г. С. П. Я.? Что за свѣтлая голова, должно быть, у этого удивительнаго человека, человека удивительнаго! А съ бойкостью его сравнитъ ли даже бойкость самого Платонова? Знаете-ли вы, что своимъ новымъ иркамъ свѣтомъ, который съ первыхъ же словъ первой статьи вадумалъ пролить этотъ С. П. Я. на значевіе театра, онъ затмилъ бы свѣтъ, когда-то пролившой на тотъ же предметъ вѣмцемъ Шиллеромъ? Ну, вѣтъ-съ, куда тутъ Шиллеру до С. П. Я! Ну, да развѣ безъ этого удивительнаго рецензента дошли бы хоть мы съ вами своимъ-то собственнымъ умомъ до великой мысли, что вѣдь театръ есть *проводникъ популяризаціи той или другой идеи, выработанной въ какомъ-либо обществѣ*. Хо-

рошо-ли и все-ли вы понимаете въ этомъ гениальномъ изреченіи (Моск. Газ. № 6)? Знаете-ли, что въ театрѣ вы можете *вникнуть въ действительность, составляющую выводъ изъ прошедшаго, настоящаго и чуждаго будущаго нашей жизни* (тамъ же)? Вникали ли вы когда въ театрѣ въ такую интересную действительность? Вникаете ли, что вѣдь открытіемъ такой невозможной дѣятельности разъ на всегда опрокинута извѣстная философская аксіома: «что дѣйствительно, то и возможно»? Да это еще что! Вы слышали ли когда отъ кого-нибудь, какъ *великій художникъ, заставляя насъ перестрадать, вливаетъ съ жертвою общественной несправедливости, находитъ часто выходъ въ силахъ, заключающихся въ насъ самихъ*? Ну, что вы объ этомъ скажете? Вѣдь глубоко, чрезвычайно глубоко? Намъ говорили, что вся глубина этого мѣста заключается въ полномъ неумѣнн, сколько-нибудь ясно выражаться по русски; насъ увѣряли даже, что авторъ этой статьи какой-то почтенный вѣмецъ-булочникъ, завзятой театралъ, который сплохо понимаетъ русский языкъ, но постоянно поощряетъ Малый театръ, потому что ему *тамъ стѣны, воздухъ все пріятно* (zu angenehm); даже в фамилію называлъ: Клондеръ, или что-то въ этомъ родѣ. Слышите? Какъ это похоже на правду! Какъ у насъ умѣютъ похвалять все великое! Знаете-ли вы, что вѣдь театръ не *приобрѣтъ еще у насъ права гражданства* (тамъ же)? Скажите, пожалуйста, въ чемъ заключается для театра это *право гражданства*? А можно-ли свидѣе в сценнчѣе господина С. П. Я. выразаться? Не напоминаетъ ли вамъ свидѣную рѣчь Майора язъ «Бойной барыни» слѣдующее, напр., изреченіе г. С. П. Я.: *Какое значеніе театра въ общество. Посмотримъ теперь, каково значеніе его у насъ, въ Россіи*—т. е. вообще въ Европѣ—непремѣнно прибавилъ бы къ этому красно-рѣчивый Майоръ. Какое удачное противоположеніе Россіи обществу! Вѣдь, бьемся объ закладъ, что до сихъ поръ и вы, подобно намъ, думали что и въ Россіи можетъ быть общество. Ну, какъ же послѣ всего этого не жалѣть, что первая статья г. С. П. Я. была вмѣстѣ и послѣднею? Вѣдь чего бы только мы не узнали отъ него еще! Онъ, напр., хотѣлъ *поговорить въ слѣдующей статьѣ о томъ, какими образомъ правительство и общество можетъ* (снѣтакснсь подлиннѣе) *способствовать къ развитію театральному искусству въ Москвѣ*; онъ обѣщаль *современнѣе полизать отчеты о новостяхъ на нашей драматической сценѣ*. Гдѣ же эта слѣдующая статья и эти *современнѣе отчеты*? Г-нъ С. П. Я. до такой степени самъ уразумѣлъ искусство, что даже спрашивалъ: *разныя есть люди, которые бы къ уразумѣнію искусства не стремились*? А какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете: есть ли такіе люди?

— Упрекните-ли вы насъ въ непостоянствѣ за то, что мы, безмѣрно восхищавшіеся прежде в такъ недавно еще жалѣлими въ «Голосѣ» Псевдонима, хладнокровно и безъ сокрушенія выносимъ замѣну Псевдонима господиномъ двухъ буквъ: С. П. Но развѣ мы потеряли что-нибудь отъ этой замѣны и развѣ С. П. не болѣе пользы и улаж-

денія можетъ приносить и намъ,¹ в намъ, в всему міру, особенно съ его умѣннѣемъ затрогивать по-выя стороны и развивать начала эстетики, которую онъ такъ глубоко произвелъ и повимаетъ?

— Отъ кого-бы, какъ не отъ С. П., узнали мы, напр., такую оригинальную и впервые повѣданную міру яотвну, что вѣдь *ничто такъ не развиваетъ эстетическаго вкуса, какъ созерцаніе* (другой-бы сказалъ тутъ: *разсматриваніе*, или что-нибудь въ этомъ же, болѣе обыкновенномъ родѣ; а С. П.—эстетикъ и заимствовалъ изъ блаженной памяти высокаго штила слово *созерцаніе*) *художественныхъ произведеній и изученіе ихъ* (Гол. № 38)?

— Удивляетъ-ли васъ, что такой эстетикъ, глубокой явоткъ и строгій дѣятель пзданаго очень *скорбитъ* (Гол. № 38), что теперь обозначаютъ на *этикетахъ* (другой-бы сказалъ: *на ярлыкахъ*, или *на билетахъ*; а С. П.—эстетикъ я говоритъ: *на этикетахъ*) только названіе картины, да имя художника, а не обозначаютъ *мѣста его пребыванія, года рожденія и года смерти*? Повѣрите-ли, что такіе *этикетки* (т. е. съ обозначеніемъ года рожденія и года смерти) прежде были *каждой картины* (Гол. № 38)? Не слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что *прежде на выставкахъ являлись только картины мертвыхъ художниковъ, а изъ живыхъ художниковъ только тѣ могли выставить свои картины, которые могли съ точностью в съ ручательствомъ за вѣрность обозначить на этикетахъ годъ своей смерти*? Не знаете-ли, когда было это любопытное *прежде*? Не странно-ли, я не жалко-ли, что подобныя *этикетки* вы прежде не выставяли, вы теперь не выставяютъ на всѣхъ книгахъ? Ну, можно-ли въ самомъ дѣлѣ съ удовольствіемъ и пользой читать самую интересную по содержанію книгу, на которой не обозначены: мѣстопребываніе автора, годъ его рожденія и смерти?

— Мудрено-ли послѣ этого, что бы приговоръ такого эстетика имѣлъ особенную вѣскость в дѣну въ глаза художниковъ, я неужели, напр., *акварели академика Мисевича* не было немедленно сняты съ выставки послѣ того, какъ С. П. безъ дальнихъ околичностей я объясненій рѣшилъ двумя словами, что онъ *очень плохи* (Гол. № 38)? Пугка-ли: однимъ азмахомъ пера уничтожаетъ произведенія академиковъ! И это не слыща?

— А можно-ли не двинуться чутью, шоху, дару провидѣнія эстетика С. П., который знаетъ даже я то, о чемъ не имѣетъ понятія? Не дикъ-ли, напр., что, заговоря въ (Гол. № 38), о «Дмитріи Самозванцѣ» Островскаго, онъ между прочимъ пишеть своему патрову-редактору: *вы уже видѣли въ Петербургѣ хроникъ г. Чаева, подходящую (какъ вамъ явится это: подходящую?) по сюжету къ этой хроникѣ* (т. е. къ хроникѣ Островскаго); *я изльну сравненій* (другой-бы сказалъ: *я не стану сравнивать*; а С. П.—эстетикъ я говоритъ: *изльну сравненій*) *уже потому, что произведеніе г. Чаева лишь совершеннѣе неизвѣстно*? Что вы скажете объ этомъ любопытномъ: *уже потому*? Что вы подумаете о нашемъ эстетическомъ развитіи, если мы вамъ, напр., скажемъ: «Китайскій уличный брадобрей Фин-Киу-

Дзю подлодящъ по паружоотн къ какому-вибуль лорду Уордслею; впрочемъ мы *избѣжемъ сравненій уже потому*, что какъ Финъ-Кю-Дзю, такъ и Уордслей намъ совершенно неизвѣстны и мы ихъ въ глаза не знаемъ?»

— Правда-ли, что пѣснь Островскаго «Милляя» *придана*, какъ утверждаетъ С. П. (Гол. № 24), *видъ истой хроникъ*? Бываютъ-ли *хроникъ неистыя* и чѣмъ онѣ отличаются отъ *истыя хроникъ*? Не потому-ли и поудялось С. П., что эта хроника Островскаго *увѣнчана узаровскою премією*, что она поразила его своею *истотою*?

— Да въ одномъ-ли театрѣ и въ одной-ли жп. вопиетъ такъ много циничаетъ С. П.? Развѣ его эстетическій взглядъ не на отолжко-же провинцателевъ, напр., и въ портномъ художествѣ? Развѣ онъ не узнаетъ на балахъ (*браки работы Гиртмана и Фиори, преемниковъ Сарры*) (Гол. № 60)?

— А уступаетъ-ли С. П. его предметнику Псевдовому по значительности связей? Если псевдовому одважды пожалъ руку какой-то генералъ, то С. П. развѣ удостоился разговаривать съ *нашими заграничскими друзьями*, а въ другой разъ даже от ташкентскими депутатами? Вы знаете-ли, что когда С. П. *ѣхалъ съ тремя* (шутка-ли: *съ тремя*) *алие-ришцами въ Кузники* (Гол. № 60), то одинъ изъ его спутниковъ выражалъ ему удивленіе, что аванды у насъ такъ равно собраны съ полей, ва что С. П. *вѣлѣ съестіе увѣрить своего спутника*, что у насъ аванды — тепличное растеніе... *Вотъ вамъ легкій образикъ московскаго шлюбохольства!* — захвачиваетъ этотъ рассказъ свой С. П. — Не удобнѣе-ли было бы при этомъ сказать: *вотъ вамъ легкий образикъ московскаго пустословія*? Какъ жаль, что спутника С. П. не знаютъ, какія милыя вещи разоказываетъ онъ о нихъ и какъ рекомендуетъ ихъ янтателямъ Голоса, за что они такимъ образомъ не будутъ въ состояніи достойно возблагодарить его!

— Намъ порой, признаемся, казалось, что С. П. говоритъ не всегда то, что хочетъ сказать, и мы склонны были предположить, — не переключая-ли изъ Московскаго Газеты въ Голосъ почтенный г. Клондеръ, но теперь мы видимъ, что за неумѣнье выражаться мы, по своей темнотѣ, приняты было излишнюю *опредѣленность* выраженій. И въ самомъ дѣлѣ, могли-ли мы на одву мввуту сомнѣваться въ своей грубой ошибкѣ послѣ того, какъ самъ С. П. одняжды (въ 24 № Голоса) объявляя: *у меня въ натурѣ привычка быть по возможности опредѣлительнѣе въ употребленіи словъ*, и *употребляемыхъ мною выраженій*? Ну, можно-ли не уважать *натуры* съ такимъ свойствомъ?

— Ну, не привычка-ли быть *опредѣлительнѣе* въ выраженіи заставляеть С. П. дѣлать, напр., такого рода сообщенія (Гол. № 38): *вотъ талантливые скульпторы наши зцнаты игоповлѣненіи манекеновъ; и видѣлъ япоторые манекены и зиньчу, что это работа художниковъ*? Это-ли еще неопредѣлительно? Скульпторы работаютъ манекены; а такъ какъ скульпторы — художники, то не слѣдуетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, въ зтого, что манекены — работа художниковъ? Можно-ли построить слялогизмъ пра-

вльвѣ и выразиться опредѣлительнѣе? А развѣ мало опредѣлительности въ слѣдующемъ, напр., выраженіи: «Димитрій убѣждаетъ въ своей любви Марину; но *всѣ эти убѣжденія основаны на краснорѣчии, на поэзии*» (Гол. № 33)? Не совершенно-ли ново слѣдуетъ изъ этого, что убѣжденія отнюдь не должны быть основаны ни на краснорѣчии, ни на поэзии?

— С. П. (въ томъ-же № Голоса) свидѣтельствуетъ, что г. Самаринъ, *въ ничтожной роли Гюря Мичика, сумѣлъ быть чрезвычайно вѣрнымъ*. Не знаете-ли вы: чѣму? Ужъ не въ *натуру-ли у насъ не поймать самыхъ опредѣлительныхъ* выраженій? И въ нашей-ли только это *натура*?

— Извѣстна-ли С. П. *извѣстная* (какъ онъ справедливо говоритъ въ № 66 Голоса) комедія (почему однако: *комедія*?) Шекспира «Зимняя сказка»? Извѣстна-ли ему наша драматическая труппа? Если бы то и другое были ему извѣстны, могъ-ли-бы онъ распространять слухъ о томъ, что эта пѣса *пойдетъ послѣ святой недѣли*? Какимъ *извѣстнымъ* нашимъ актеромъ можетъ быть сыграна *извѣстная* ювѣйшая роль Флорцеля?

— Гдѣ у васъ были глаза, когда вы смотрѣли «Самозванца Островскаго? Отчего вы не замѣтили; а если замѣтили, то почему не сказали, что *и здѣсь нашъ былъ писатель* (не *бытописатель* ли?) *остался совершенно вѣрнымъ однажды выведеннымъ или типамъ* (какъ объ этомъ докладываетъ С. Яковлевъ въ 7 № Совр. Лѣтописи), т. е. взяли лица для этой хроникъ изъ своихъ прежнихъ произведеній? Какъ это вы не догадались, подобно О. Яковлеву, что *всѣ эти люди, жившіе два съ половиной столѣтія рапѣ насъ, намъ знакомы по первообразамъ и въ изъ произведеній г. Островскаго современнаго сдержанія* (Совр. Лѣт. № 7, стр. 7)? Развѣ это шуточное открытіе? Нельзя ли ожидать, что г. Яковлевъ выяснитъ способъ превращенія лица любой оригинальной драмы въ историческія лица? Не попробуетъ ли онъ превратить напр. *Брагандискій бракъ* въ историческую хроникку подъ наивнѣмъ: *Татарскій погромъ, или покореніе Казани*?

— Вотъ а вы еще такъ пренебрежительно ото-звались о легіонѣ рецензентовъ Моск. Вѣдомостей и Совр. Лѣтописи! Какая нужда, что, напр., изъ статьи С. Я — ча (Совр. Лѣт. № 4) о *Гражданскомъ бракѣ* вы только и узнаете опредѣлительно и положительно, что г. О. И. — чъ 18 января былъ на первомъ представленіи «Гражданскаго брака» на *здѣшней сценѣ*, да еще узнаете, что *частію бываютъ, ипѣ жертвы общественнаго ризерта являются въ велию зотю и съ рисканіемъ, но уже съ ослабѣвшими силами, съ разрушеннымъ здоровьемъ, что неизлечимая рана все еще сочитя* (какъ сильно и картинно!) и т. д.? Что за бѣда въ томъ, что С. Яковлевъ подъ чьимъ говорилъ о балетѣ Сень-Леона (Совр. Лѣт. № 7), смѣшаетъ являющихся Пероіана съ древнимъ *Переали*, или выйдетъ въ тапцахъ иной танцовщицы *безукоризненной адажио*, тушеты, да какія то *arabes bellegiase* (тамъ-же)? Какая пужда, что сказать (Совр. Лѣт. № 7): *разоказаніи оодржаніи хроникъ и этимъ разоказомъ обрисовать характеры, ипѣ оодржаніе разокажетъ и многословаво и плохо*,

а *обрисовать* — ничего совсѣмъ не *обрисуетъ*? Развѣ за то мало можно пайти хоть *у* того-же С. Яковлева такпхъ меткихъ и новыхъ выводовъ, которые — будь они собраны систематично — могли бы составить цѣлый драматургическій Катахизисъ или Совоприсянкъ? Ну да, напр., знаете-ли вы, отъ чего и въ какомъ случаѣ драматическое произведение принимаетъ *политическій* характеръ? Ну, въ состоянн ли вы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ? А вотъ С. Яковловъ отвѣчаетъ, и отвѣчаетъ правильно. Онъ говоритъ (Совр. Мѣт. № 7): *во всей нѣясъ* («Самозванецъ» Островскаго) *видно отсутствіе* (вѣдь игривость-то, замысловатость-то какава: *видно отсутствіе!*) *женщины, отчего сама хроника принимаетъ черезчуръ политическій характеръ*. Не ввествусть ли изъ этого, что всякая піеса, въ которой *видно отсутствіе* женщины, имѣетъ *черезчуръ политическій характеръ*? Ну не великая ли въ самомъ дѣлѣ новость, что, со времени открытія новаго золотаго правила С. Яковлевымъ, «Игроки» Гоголя оказываются комедіею *черезчуръ политическаго характера*?

— А не слѣдуетъ ли французамъ поучиться у насъ русскихъ говорить о томъ, чего не видали и не знаемъ, о неизвѣстномъ — какъ объ очень хорошо извѣстномъ. Французъ начнетъ говорить о невѣдомомъ для него — и сейчасъ же заврется; а развѣ это скоро случится съ русскимъ? Французскіе газетчики, напр., называютъ юрту — прптономъ донскихъ казаковъ, говорятъ, что въ русской язбѣ съ образамъ стоятъ изображеніе Будды (Письмо изъ Парижа. С.-Пб. Вѣд. № 81) и пр. т. п.; а русскій газетчикъ начнетъ, напр., говорить хоть о масляничныхъ увеселеніяхъ цѣлой столицы, которыхъ, можетъ быть, и не понимаетъ, а между тѣмъ отдастъ *отчетъ* непогрѣшимо-вѣрный. Ну, не правду ли, напр., говоритъ Москвичъ, въ своихъ «Запискахъ» (Моск. Вѣд. № 48), что *въ высшемъ обществѣ* (своимъ умѣнемъ цѣнить обхождение высшаго общества) и безпрестанными разговорами о немъ Москвичъ слышно напоминаетъ гоголевскаго Анушкина) *блжы смѣялись одинъ дружелъ; у А. Н. М.—вои блжы домашній спектакль, въ которомъ мнози исполнители и исполнители выказали большой талантъ* (какое отрадное и общевитересное сообщеніе!) *и уланъ играть самыя трудныя роли. high life* (Москвичъ употребляетъ часто въ своихъ статьяхъ в еще пѣсколко пзвѣстныхъ ему англійскихъ словъ) *собралось все* (ну, уже это немного черезъ край; впрочемъ, ничего: кто же считалъ *все high life*?) *въ залѣ Собранія... Вообще на масляницѣ было такъ много баловъ, что все перечислить нѣтъ возможности* (равнѣ не правда?); *оркестры музыки и таперы остались въ большнхъ барышахъ* (явуйте-ка опровергать да заволасть сиртаки но всѣмъ оркестрамъ и таперамъ!)... *На балу Дворянскаго Клуба было много весьма роскошныхъ и со вкусомъ отдѣланныхъ туалетовъ* (развѣ не правда? Развѣ про какой бы то ни было общественный балъ можно не сказать этого?)... *Купечество веселилось на славу* (Докажнто-ка, что вѣтъ!)... *особенно роскошны были балы у Т. С. М.—на и у А. В. А.—ва* (ну, тутъ ужъ пошла алгебра, которую шадется попятная скромность хозяевъ

баловъ)? Ну, развѣ не про всякую масляницу и не во всякомъ городѣ можно говорить и писать тоже самое? А между тѣмъ кто живо не полюбопытствуетъ узнать все это?

— На сколько мы не любимъ алгебры въ школѣ, на столько любимъ мы ее теперь въ газетныхъ статьяхъ лучшихъ и даровитѣйшихъ рецензентовъ нашихъ. Ну, какъ удержаться отъ восторга, тельчяго почти восторга, когда г. Пановскій на этой алгебрѣ строить цѣлую дливую, въ два столбца ростомъ, статью свою: «Домашній спектакль у А. А. Т. Б.» (Моск. Вѣд. № 3)? Испещренная огромнымъ количествомъ прописныхъ буквъ, изъ которыхъ о каждой сообщаются многообразныя свѣдѣнія и сужденія, статья эта крайне занимательна уже по тѣмъ блестящимъ, часто контрастирующимъ другъ съ другомъ апоогмамъ, на которыхъ всегда такъ обилень г. Пановскій? Что вы скажете, напр., хоть о такомъ, глубоко взмышленномъ тезисѣ: *талантъ не научитъ притворяться—это дѣло привычки*? Развѣ это не перлъ? Развѣ не заблуждались и мы, явы, и воѣ, думая до сихъ поръ, что искусство актера прежде всего обуславливается талантомъ (именно — талантомъ) *притворяться*, чтобы умѣть *претворяться* (каково? И мы не хуже выхъ многихъ можетъ шегодать вгрою въ слова) въ разнообразныя роли? Что видлв вы съ нашими Тессвигами, Шиллерами, Ретшерамъ, воображая, что никакая привычка не научитъ притворству человека, не имѣющаго таланта притвориться, какъ никакая привычка ворочать языкомъ не научитъ пѣмага говорить, — что пляли? Должны ли вы смущаться тѣмъ, что въ той же статьѣ, вѣсколькимъ строками ниже, г. Пановскій говоритъ, что *изра есть проявленіе таланта* (а не привычки), *усиліе дарованія*: это дѣлается только такъ, для контраста, въ *гривуэжности* (любимое слово г. Пановскаго), столь обыкновенной у старѣйшаго фельетониста. Нужно ли смущаться и передъ тѣмъ, что самъ г. Пановскій называетъ все выше выписанное нами изъ его статьи — *болтовней*, когда говоритъ: *переходя отъ болтовни къ дѣлу...?* — А хотите-ли знать, въ чемъ заключается это *дѣло*, суть статьи? Повѣрите-ль, что исполнитель авеслп въ одну французскую піесу *столько правды*, что *фантазмагорія* (надъ исполненіемъ которой они трудились) *показалась живою дѣйствителюстью*; что г. З. былъ *живою натурой*, а Е. А. Т. Б. исполнила *вѣснмъ всякихъ похвалъ* (на которыхъ, какъ вѣдѣство, очень-то не щедръ г. Пановскій — критикъ немовѣрно строгій) роль свою, которую она *приняла на себя съ достоиннымъ похвалъ артистическимъ самоотверженіемъ* (sic)? Не ирпомните ли вы по этому случаю отзывъ кн. Кургушева объ одной исполнительницѣ одного любительскаго спектакля, которой князь (въ письмѣ къ вамъ, помѣщенномъ въ одномъ изъ декабрьскихъ №№ Антракта 1864 г.) пресерьбно воздавалъ *честь и славу* за то, что она, *не будучи артисткой ни по рожденію, ни по призванію, согласилась въ пользу погорѣвшихъ показать себя* (слова князя мы тогда-же запомнили наизусть и за ихъ подлаявость ручаемся) *съ страдой: тутъ, какъ и въ жизни она была княжною Трубецкой*? Развѣ безъ удовольствія

усматривали вы из статьи г. Пановскаго, что въ описываемомъ имъ домашнемъ спектаклѣ—Е. А. Т. Б. *нельзя было не заслушаться, ей нельзя было не удивляться*, что А. А. Т. Б. явилась съ *увлекательными особенностями привлекательнаго типа*, что на В. А. Т. Б. *можно было смотреть и т. д.*, до безконечности? Повѣрьте, что такъ это все было очень прекрасно, что въ концѣ статьи г. Пановскій устранился собственнаго подвига и сказалъ: *прочтя написанное, мнѣ* (въ русскомъ синтаксисѣ не твердъ и г. Пановскій, и овъ, какъ видно, знать не хочетъ правилъ о сокращеніи обстоятельныхъ предложений) *никъ-то едва-ли было не удивительно (можетъ ли это быть?), когда я читалъ (писалъ и не замѣчалъ), что съ начала до конца статьи я только и дѣлалъ, что хвалилъ, оставляя исполнителей спектакля безъ исключенія и потому онъ было задумалъ коварно приступить въ журналѣ къ некоторымъ исполнителямъ, да и не смогъ—не пришелъ и забастовалъ тѣмъ, что все лица прекрасно съиграли* (коротко и ясно). Не отъ того ли, смѣетъ догадываться мы, г. Пановскій пришелъ въ такое умпление неслыханное, что человекъ онъ *пожелтой*, а по его же собственнымъ словамъ, *пожилые любовались молодыми въ ожиданіи некоего зрѣлища?*

— Однако, что же намъ дѣлать? Намъ о многомъ, объ очень многомъ нужно бы еще было разспросить, мы необходимо должны бы были повести рѣчь еще и о томъ-же осе г. Пановскомъ, и о другихъ рецензентахъ Московскихъ Вѣдомостей... хотѣли до-браться и до вашего Автракта, и до любопытныхъ особенностей драматургической критики Развлеченій, и до быка съ живымъ теленкомъ на спинѣ, и до выскакивающей изъ шляпы дамы, да и мало-ли еще до чего... Что-же намъ дѣлать? Письмо наше и безъ того очень растянулось. Ну, да ужъ такъ и быть—отложимъ въ избыткѣ накопившіеся у насъ вопросы до слѣдующаго письма, которымъ не замедлимъ.

Обскуранты.

КАССИРАМЪ.

Ахъ, зачѣмъ пѣвца отобѣга
Оставляють здѣсь опять:
Съ пѣвца вамъ, братцы, съ этого
Денегъ въ кассѣ не видать.
Жадво музыки желающимъ,
Видно, участь такола:
И въ сезонѣ наступающемъ,
Будеть сѣтовать Москва.

О Д Н О Й П Ѣ В И Ц Ѣ.

Когда мнѣ слышится пашъ голосъ немовой
И слышится мнѣ онъ дѣ морозъ большой, зимой,
Безвыхода стою я въ залѣ запертой—
Весьма на грустный ладъ настроеннымъ поэтомъ:
Когда-жъ мнѣ слышится вашъ голосъ неземной

И слышится мнѣ онъ въ жары большіе, лѣтомъ,
Безвыходности—пѣть... въ поторѣ, самъ не свой,
Бросаюсь со всехъ ногъ открыть пещѣ окошки
И посмотрѣть—за хвостъ не тичетъ ли кто кошки.

У.

Д Р У Г О Й П Ѣ В И Ц Ъ.

Пѣвица ты—пѣвицамъ всемъ примѣръ!
Особый тонъ, отмѣпан маера!
Когда поешь «Два гренадера»,—
Мнѣ слышится и третій гренадеръ.

У.

П И С ь М О К Ѣ Р Е Д А К Т О Р У.

М. Г.

Я получаю «Автрактъ» и часто вижу въ немъ, что какіе то *темные люди* обращаются къ вамъ съ разными вопросами и, вѣроятно, получаютъ на нихъ отъ васъ удовлетворительные отвѣты, потому что иначе они перестали бы къ вамъ обращаться. Вотъ и я тоже рѣшился обратиться къ вамъ съ вопросомъ. Не разрѣшите ли вы моего недоумѣнія, не просвѣтите ли вы меня, тоже *человѣка темнаго*, свѣтомъ истины, свѣтомъ разумнаго, потому что я, признаюсь, грѣшный человекъ, тоже какъ и ваши постоянные корреспонденты, многого не понимаю у нашихъ современныхъ фельетонистовъ. Такъ, напр., (не далеко ходить) въ № 12 «Развлеченія» у г. Я, въ его фельетонѣ, я прочелъ слѣдующее: «на святой недѣлѣ готовится два любительскіе спектакля въ пользу Кандіотовъ; какъ мы слышали, на нихъ пойдутъ въ первый разъ сцены изъ *Бориса Годунова*—Пушкина, *Маркиза де Вильморъ*—драма Жоржъ Занда (мы еще ничего не видали на сценѣ изъ произведеній этой замѣчательной писательницы)».—Скажите, ради моего прамыслия—я самъ никакъ въ толкъ не могу взять,—кого это г. Я разумѣетъ подъ словомъ *мы!* Если онъ подъ этимъ словомъ разумѣетъ себя, т. е. г. Я, автора фельетонистовъ, помѣщаемыхъ въ Развлеченія, и говорить о себѣ: *мы*—такъ, для пущей важности, какъ обыкновенно говорятъ о себѣ пишущіе (хотя очень странно, что авторъ этого наблюдателя поднимается буквою Я, т. е. мѣстоименіемъ единственнаго числа, а говоритъ о себѣ во множественномъ числѣ),—ну тогда п. л. пожалуй, пожалуйста, какъ Левъ Гурвичъ Сивачкинъ: «смыслъ то есть!» Маго-ли, чего, можетъ быть, не выдалъ г. Я; можетъ быть, онъ не выдалъ даже ни одной пьесы Гоголя и въ такомъ случаѣ онъ будетъ правъ, если въ одномъ изъ послѣдующихъ его фельетонистовъ читатели Развлеченія прочтутъ: «мы еще ничего не видали на сценѣ изъ произведеній этого великаго компка». Вѣдь былъ же, говорятъ, въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ одинъ служащій при театрѣ и занимавшій при немъ довольно видное мѣсто, который, прослуживъ около десяти лѣтъ при театрѣ, подошелъ однажды къ одному изъ московскихъ артистовъ и сказалъ

ему: «Вчера я случайно прочел одну пьесу... хорошая пьеса... право, педурнал... вот бы вы ее в свои бенефисы дали.»—«Какая же это пьеса?»—спросил актеръ. «*Торе отъ ума*», отвѣчалъ театральнѣйшій чинповникъ, занимавшій видное мѣсто. Но если г. Я подъ словомъ мы разумѣетъ: мы, *послѣднѣйшій, московская публика*, то слова его не имѣютъ смысла, потому что мы, москвичи, мы, московская публика, видѣли на нашей сценѣ произведенія Жоржъ Занда, (а еще и не одно: въ 1851 году, въ бенефисъ г. Бантышева, мы, москвичи, видѣли ея драму *Мольеръ*, а въ 1853 году, въ бенефисъ г. Денскаго, другую ея пьесу *Свадьба Виктории*). Пожалуйста, почтеннѣйшій г. редакторъ, не откажите въ своемъ отвѣтѣ, просвѣтите меня, *человѣка темнаго*. Вы, пожалуй, скажете, что не стоить отвѣчать, мадо-ли что говорить фельетонисты, подобныя г. Я. Но если вы скажете это, вы будете неправы. Если дѣло идетъ до мнѣнія, разсужденій и приговоровъ гг., подобныхъ г. Я, то, разумѣется, отвѣчать не стоить: кто обращаетъ вниманіе на ихъ мнѣнія, разсужденія и приговоры? Пустьъ они запылятся въ этихъ мнѣніяхъ, сужденіяхъ и приговорахъ хоть за тридцать земель отъ тридцатого царства, какъ заповѣдалъ Митрофанушка Простаковъ въ исторіи; но когда они искажаютъ факты—такъ ужъ это дѣло другое, тутъ они насъ, людей темныхъ, какъ разъ, пожалуй, съ толку собьютъ. Каюсь вамъ, со мной недавно такъ и случилось, что грѣхъ тавить, дѣло прошлое. Въ томъ же Раздѣленіи (№ 6), въ статьѣ г. А. В. *Театральныя курьезы и заблужденія*, я прочелъ, что первый дебютъ нашей заслуженной артистки Е. Н. Васильевой, былъ 16-го марта, 1847 года. А, прекрасно!—подумалъ я, читаю вскорѣ послѣ того во многихъ газетахъ разсужденія о томъ, отчего это не бывающъ у насъ театральныя представленія въ продолженіе великаго поста. Какую же я статью напишу! Въ ней докажу л, что въ сороковыхъ годахъ спектакли у насъ бывали и въ великомъ посту, потому что г-жа Васильева дебютировала въ 1-й разъ на московской сценѣ 16 марта, а 16-е марта всегда приходится въ великій постъ; стало быть, г-жа Васильева дебютировала въ 1-й разъ въ великомъ посту; стало быть, въ великомъ посту бывали въ Россіи театральныя представленія и бывали даже довольно недавно, какихънибудь двадцать лѣтъ тому назадъ. И вотъ, потирая руки, я сѣлъ писать статейку, въ которой я спрашивалъ, —отъ чего это у насъ теперь великимъ постомъ не бывають театральныя представленія, когда они этимъ постомъ были названы тому 20 лѣтъ. Ну, и раздражался же я громами! Какіхъ прекрасныхъ словъ не наговорилъ и въ моей статьѣ: и о прогрессѣ, и о реакціи, и о раковомъ ходѣ, и о поступательномъ движеніи, и чего, чего не наговорилъ! Разумѣется, главнымъ основаніемъ моей статьи была ссылка на № 6 Раздѣленія, на статью г. А. В., которому я былъ обязанъ этимъ великимъ открытіемъ. О, и человѣкъ добросовѣстный: я не хотѣлъ присвоить себѣ великаго открытія г. А. В.; я хотѣлъ только воспользоваться этимъ открытіемъ и на результатахъ его поотростить мою

статейку. И чтоже? Все разлетѣлось, какъ дымъ. Моя статья, моя прекрасная статья (видите, я не скромничаю) была построена, какъ домъ на пескѣ... Рухнулъ фундаментъ, рухнулъ и домъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ были въ Москвѣ театральныя представленія въ великомъ постомъ,—подумалъ я—хорошо; но, для полноты моей статьи, не худо бы доискаться, когда же эти представленія прекратились. И вотъ я началъ это отыскивать, началъ перерывать старыя газеты, старыя журналы; думаю: не можетъ быть, чтобъ они не записали на слухѣ страницъ такого важнаго факта, какъ прекращеніе театральныхъ представленій въ великомъ постомъ. Искать, искать, и къ чему повели дѣла эти поиски? О ужасъ! Моя прекрасная статья, основанная на такомъ положительномъ показаніи г. А. В., что театральныя представленія были въ Москвѣ въ великомъ посту, эта статья, основанная на такомъ драгоценномъ открытіи г. А. В., эта статья,—полетѣла въ печь. Да, м. г., и принужденъ былъ бросить ее въ печь, потому что... потому что... да, просто, потому, что театральныя представленія великимъ постомъ въ сороковыхъ годахъ, точно такъ же, какъ и теперь, въ Москвѣ *вообще не было*, что г-жа Васильева вовсе великимъ постомъ не дебютировала, а дебютировала она на московской сценѣ въ 1-й разъ вовсе не 16 марта, а 10 мар., в не въ 1847 году, а въ 1845 г. (*). Стало быть, всю свою фразу г. А. В. выдумалъ? Нѣтъ, не то, чтобы выдумалъ, а онъ слышалъ звонъ, да не зналъ — откуда онъ. На звонъ, который былъ поднесенъ г-жѣ Васильевой, дѣйствительно было выставлено «16 марта 1847», но только это было не дебюта первого дебюта г-жѣ Васильевой, прошедшей бы въ такомъ случаѣ въ великомъ посту, а дебюта, когда г-жа Васильева поступила на службу къ императорскимъ театрамъ; но г. А. В. поумничалъ; онъ забылъ, что первый дебютъ почти никогда не совпадаетъ съ днемъ начала службы артиста, да и бухнулъ прямо, что г-жа Васильева дебютировала въ первый разъ на сценѣ въ великомъ постомъ. (Сказалъ—в баста, и спокосъ. А мы бѣдые темные люди и пѣръ ему на слово.

Тоже темный человѣкъ.

С М Ъ С Ъ.

Послѣ святой предполагается на московской сценѣ слѣдующіе бенефисы: на Большомъ театрѣ—Фѣвдовъ Николаева и Роллорта, дрижера балетнаго оркестра Лузина и опернаго суфлера Савелова; на Маломъ театрѣ—актера Федотова, помощника режиссера Черпевскаго, машиниста Тимооеева и суфлеровъ Ермолова и Витвебена.

(*) Въ водевилѣ *Дьявица отшельника*, см. Пантеонъ 1845 г. кв. 6-я.

Вышелъ в въ прошлое воскресенье оставленъ московскими подвизчиками новый петербургскій журналъ г. Сѣровыхъ «Музыка и театръ». Собственно театру въ этомъ 1 № не посвящено ни одной статьи; о немъ говорится пока только въ нѣсколькихъ строкахъ, между прочимъ; музыкальнѣе статьи отличаетъ по большой части обстоятельностью, серьезностью взгляда и все принадлежитъ самому редактору. Нельзя однако не замѣтить, что концертная хроника слишкомъ поверхностна для журнала, по преимуществу музыкальнаго. Желаемъ новому изданію успѣха.

Въ Голосѣ напечатаны слѣдующія театральныя извѣстія о петербургскихъ театрахъ. Въ будущей зимней театральномъ сезонѣ будетъ поставленъ для г-жи Гранцевой балетъ г. Сен-Леона «La soisee», представляемый псадно на сценѣ Большой парижской оперы; главная роль въ немъ исполнялась г-жею Сальвионе. Драма г. Островскаго «Дмитрій Самозванецъ» будетъ поставлена въ началѣ будущаго зимняго сезона; говорятъ, роль Василия Шуйскаго исполнитъ г. Самойловъ, а самозванца—г. Малышевъ. Драма И. И. Лажечникова «Опричникъ», о постановкѣ которой хлопотала одна изъ даровитѣйшихъ представительницъ женскаго персонала нашей петербургской труппы, Ю. И. Линская, кажется будетъ дозволена цензурою. Пока, однако, ничего нельзя сказать положительнаго.

Г. Радонскій далъ въ Петербургѣ, 26-го марта въ воскресенье, въ часъ по полудню, въ залѣ Собранія художниковъ, музыкальное утро съ участіемъ другихъ артистовъ, между прочимъ г. Лауба.

Въ Петерб. Вѣдомостяхъ пишутъ: Г-жа Біавки, какъ мы слышали, возвращается на сцену русской оперы въ Петербургѣ.

Убытки отъ пожара, истребившаго вокзалъ въ Плато-де-Флеръ въ Кіевѣ, по подсчету г. держателя его (впрочемъ еще не повѣренному окончательнымъ дознаніемъ), заключались въ слѣдующемъ: наличными деньгами въ трехъ кассахъ 1560 р.; посуды и хрусталию на 1295 р.; бѣлье столоваго на 550 р., столовыхъ приборовъ (ложекъ, ножей, вилокъ и пр.) на 610 р.; мебели на 2800 р.; разныхъ наптковъ на 2240 р.; зеркалъ, часовъ на 760 руб. Всего имущества на 11,895 р. Устройство погорѣвшихъ зданій, застрахованныхъ въ 9220 р., стояло 15350 р. *Всего убытка понесено на 27245 р.* Сверхъ того прислуга потерпѣла убытка въ деньгахъ и вещахъ на 1870 р.

Въ С.-Петер. Вѣдомости пишутъ изъ Парижъ: Уже театральные органы объясняютъ для любителей пластическихъ наслажденій, что на время постановки готовится пьеса, въ которой все мужскія роли будутъ исполнены женщинами, а также обращаютъ вниманіе на новый водевилъ подъ заглавіемъ «Les voyageurs pour l'exposition». Впрочемъ, приѣзжимъ иностранцамъ нечего опасаться, что ихъ національному чувству будетъ въ чемъ-либо нанесена обида, ибо правительство, говорятъ, уже сдѣлало распоряженіе, чтобы авторы и актеры не позволяли себѣ никакихъ выходовъ вродѣ какой-бы то ни было чужестранной націи. «Надѣ чѣмъ-же будемъ мы тогда смѣяться?», восклицаетъ въ отчаяніи «Фигаро»: намъ запрещено говорить о правительствѣ и его чиновникахъ; авторы водевилей поневолѣ выѣзжали на острогахъ надъ иностранцами; теперь они будутъ лишены и этого матеріала».

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

29 марта скончался въ Петербургѣ бывший членъ литературно-театральнаго комитета, *Петръ Александровичъ Фроловъ*. Покойный, въ продолженіи 14 лѣтъ, былъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (съ 1852 по 1863 г.), «Голоса» и «Русскаго Ивлалда», а въ послѣднее время заведывалъ редакціею «Извѣстій Городской Думы» и журнала «Русскій Ремесленникъ». Кроме того, онъ въ 1858 г. издавалъ «Драматическій Сборникъ». Онъ писалъ и для театра. Имъ написаны пьесы: «*Гаприжница*», «*Маленькія пистолы*» и недавно еще поставленная на петербургской сценѣ въ бенефисъ г. Каратыгина трехактная комедія «*Быть или не быть*». Покойный рѣдко подъ своими спичневіями подписывалъ свое имя.

Недавно въ Лондонѣ умеръ Янъ Чинскій, польскій писатель, оставившій свое отечество въ 1831 году. Онъ написалъ между прочимъ нѣсколько драмъ для парижскаго театра Сен-Мартенскихъ воротъ и подписывалъ ихъ псевдонимомъ Эреста Роллена. Ему было 65 лѣтъ.

Въ Кельнѣ умеръ профессоръ Бишофъ, директоръ кельнской гимназіи, известный своими музыкальными критиками въ Кельнской газетѣ, которой онъ былъ главнымъ сотрудникомъ.

Поправка: Въ прошедшемъ № (12) Автракта ошибкою напечатано: въ статьѣ *Московскіе концерты*, на стран. 4, столбцѣ 2, строкѣ 26 сверху—*не*, вмѣсто *но*, и въ статьѣ *Былое*, на стран. 6, столбцѣ 1-мъ, строкѣ 3-й снизу—*Мерцадите*, вмѣсто *Беллони*.